

РОМАН

АНТИВОСПИТАНИЯ

Э Ш Л И
П Р Е Н Т И С
Н О Р Т О Н

ШОКОЛАДНЫЕ ДЕНЬГИ

Москва
2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Н82

Ashley Prentice Norton
THE CHOCOLATE MONEY

Copyright © 2012 by Ashley Prentice Norton First published
by Mariner Books Translation rights arranged by AJA Anna Jarota Agency
and The Clegg Agency, Inc., USA. All rights reserved

Перевод с английского *Анны Комаринец*

Художественное оформление серии *Петра Петрова*

Нортон, Эшли Прентис.

Н82 Шоколадные деньги : [роман] / Эшли Прентис Нортон ; [пер.
с англ. А. Комаринец]. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-094765-2

Каково быть дочкой самой богатой женщины в Чикаго 80-х, с детской открытостью расскажет Беттина. Шикарные вечеринки, брендовые платья и сомнительные методы воспитания — у ее взбалмошной матери имелись свои представления о том, чему учить дочь. А Беттина готова была осуществить любую материнскую идею (даже сняться голой на рождественской открытке), только бы заслужить ее любовь.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-094765-2

© Комаринец А., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Часть I

1

СТРИЖКА

Август 1978

В тот день, когда я остригла себе волосы и «испортила на хер Рождественскую открытку», мне было просто скучно, и никакая я не «дерзкая паршивка», как говорит всем своим подругам Бэбс.

Конец августа. Мне десять лет. Бэбс на кухне разговаривает с Энди, которая приходит после полудня по субботам пить «Кровавые Мэри» и есть яйца Бенедикт. Бэбс алкоголь не употребляет. Она вечно расхаживает с хрустальным бокалом для шампанского от *Vaccarat*, в котором свежесжатый сок (грейпфрут, слива или ежевика), разбавленный изрядной дозой минералки *Perrier*, — во фруктах ведь слишком много калорий. Я даже не знаю наверняка, нравится ли ей вкус, но на вид красиво.

— Видишь ли, Энди, — говорит Бэбс, — на завтра у нас намечена Открытка. Даже не знаю, как лучше. Выбрать летнюю тему или более рождественский настрой? Разумеется, никаких одинаковых свитеров с олешками, но, может, что-то чуть менее радикальное, чем в прошлом году. Я знаю, фотография ню была со вкусом, но не хочу, чтобы та сучка Нона Кардилл снова писала про меня гадости в своей колонке. Эта дуреха, наверное, вообще никогда белья не снимает. И всякие там звонки

из школы. Никакого чувства юмора у людей. Никаких очков за креативность.

Когда в прошлом году мы разослали нашу рождественскую открытку, все в моем классе в Чикагской Начальной надо мной смеялись. Ну да, мы были голые, но я сидела на коленях у Бэбс и прикрывала ее интимные части. Лучше от этого не стало. Они говорили, у меня не все дома, раз я позволила снимать себя без одежды. Лучшее, что я смогла придумать в ответ: мол, это была не моя идея.

— Это же чистый авангард, Бэбс, — говорит Энди. — Открытка до сих пор висит у меня на холодильнике.

На мой взгляд, это слишком уж подхалимски, но Бэбс только смеется.

Я сижу на полу у кухонного стола, меня почти не видно, я читаю журнал *Tiger Beat*, где на обложке мой кумир — Брук Шилдс. Бэбс купила мне подписку в подарок на день рождения, и это был самый лучший подарок, какой она мне делала. Я смотрю, как они курят и сбрасывают пепел в свои тарелки от *Villeroy & Boch* — «воскресный» фарфор Бэбс. Не важно, что мы едим с этих тарелок, Бэбс что угодно превращает в пепельницу. Они с Энди прямо-таки висят на белой мраморной кухонной стойке, словно не в силах сидеть прямо. На Бэбс — белые шорты и белая плейбойская майка, серебристая головка зайчика на ней вышита стразами. На Энди — коричневое платье на завязках, настолько жатое, что выглядит так, будто она держит его под матрасом. На ногах у нее широкие сандалии «биркенштоки». Когда она вошла, я заметила волоски на пальцах ее ног.

Бэбс очень красивая, и мне очень хочется выглядеть как она. У нее голубые глаза и светлые волосы, которые она не-

брежно заплетает во французскую косу. Бэбс можно было бы счесть близняшкой Грейс Келли, если бы Грейс произносила слова вроде «член» или «киска» и била маленьких детей. Бэбс всегда говорит, что предпочла бы походить на Брижит Бардо, быть эдакой сексуальной, раскованной и расхристанной, как незастеленная постель, но такое ей не по зубам — фигурой не вышла. Она очень высокая — пять футов десять дюймов, и фигура у нее как у мальчика: узкие бедра, никакой задницы, никаких титек.

Ноги Бэбс прямо передо мной, и, выражаясь ее языком, они *охренительно обалденные*. Ее ляжки лоснятся от масла ши и пахнут южноафриканскими лимонами — спасибо лосьону *Veritas*. Она почти никогда не носит брюки или колготки. Ничем их не прикрывая, она извлекает максимум из погоды: ее ноги покрываются мурашками на холоде, сверкают на солнце, блестят под дождем.

Поскольку я ее дочь, то надеюсь, что со временем у меня тоже отрастут такие, а еще мне кажется, что уж мне-то она могла бы разрешить их потрогать. Но нет, для меня ее тело под запретом. Словно она боится, что мои маленькие ручонки оставят на ее коже отпечатки и безвозвратно их испортят.

Энди даже чуточку привлекательной не назовешь, вот почему Бэбс с ней дружит. У Энди курчавые волосы с проседью и большие лошадиные зубы. Она всегда и во всем, по любому поводу согласна с Бэбс.

— В этом разница между нашей Открыткой и всеми остальными. Как тебе прекрасно известно. Нельзя просто сфоткать абы что и послать друзьям. Надо подумать, потратить на нее время. Чтобы, открыв конверт, люди удивились. Мне хочется

что-то в духе «Поворотного пункта»¹: у нас обеих волосы собраны в пучок и мы в одинаковых трико. Но с привкусом Нового года. Боюсь, это мало кто поймет. Какая жалость, что мы не знакомы с Мишей. Колготки у него там просто сказочные!

Я не понимаю. Пучки и трико? Какие еще колготки? И кто такой Миша? И с каких это пор Бэбс увлекается балетом?

— Те, кто не знает этого фильма, не заслуживают твоей Открытки, Бэбс.

Сегодня Энди держится на удивление авторитетно, задает стандарт друзьям Бэбс. На мой взгляд, она надеется, что очередная Открытка проредит категорию тех, кто нравится Бэбс, и сама Энди поднимется на пару ступенек выше. В настоящий момент Энди просто «дневная» подруга. На обед, когда приходят люди поинтересней, ее не приглашают. Но Энди думает, что, если она будет появляться снова и снова, Бэбс поднимет ее статус, найдет для нее место за столом. Как же, держи карман шире. Мнение о людях Бэбс составляет раз и навсегда, никаких пересмотров и пересдач зачета. Как и я, Энди в вечном ожидании, постоянно «на низком старте», но это никогда не срывается. На хорошие места всегда находятся люди получше.

Бэбс замечает, что я слушаю их разговор, и говорит:

— Хватит тут слоняться, Беттина. Пойди займись на хрен чем-нибудь полезным.

Ее «*чертовски раздражает*», когда кто-то слоняется, поэтому я встаю и ухожу.

Бэбс постоянно говорит подобные вещи, и я привыкла. Но уходить и искать, чем бы заняться, мне не хочется. Я — един-

¹ Фильм (1977) реж. Герберта Росса, кинодебют Михаила Барышникова. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

ственный ребенок, но напрочь лишена мифического воображения одинокого ребенка: в отличие от знаменитой Элоизы из книжки, я не могу провести день за починкой сломанной куклы или часами скармливать черепахе изюм.

У меня есть няня, но не обожающая или шикарная, как Мэри Поппинс. Стейси двадцать лет, и она не из Англии, а из Лиона в штате Висконсин. Перед тем как поступить на работу к Бэбс, она жила в маленьком доме на ранчо со своей семьей. Обычно няням у нас удавалось продержаться месяцев девять, а Стейси с нами уже два года. Истинный подвиг.

Любимые профессиональные обязанности Стейси — курить *Virginia Slims* с ментолом (Бэбс никогда бы не наняла няню, которая не курит) и гонять по Лейк-шор-драйв в «пейсере», которым разрешает ей пользоваться Бэбс. Она читает «космо» и выделяет маркером абзацы о том, как довести мужчину до экстаза. Я ее нисколько не интересую.

Я не могу целиком и полностью ее винить. Я — маленькая девочка, с которой трудно общаться и которая не знает никаких кунштюков. Я не люблю наклейки, я не играю с куклами Барби, а мультики считаю глупыми. Для меня важно когда-нибудь подружиться с Брук Шилдс. Бэбс однажды столкнулась с ней в «Студии 54»¹ и попросила для меня автограф — на коктейльной салфетке. Я была так счастлива, что вставила салфетку в рамку вместе с фотографией Брук. Это самое большое мое сокровище.

¹ Культовый ночной клуб и всемирно известная дискотека в Нью-Йорке (1977—1980), прославившаяся легендарными вечеринками, жестким фейсконтролем, беспорядочными половыми связями и непомерным употреблением наркотиков.

В отличие от Брук, я не роскошная, даже ничуть не хорошенькая. Во мне четыре фута и три дюйма, и у меня русые волосы, на которых не держится завивка. Однажды Бэбс попыталась придать им объем, обработав электрическими щипцами, но только обожгла мне скальп. Бэбс обещает, что, когда мне исполнится одиннадцать, она на день рождения отправит меня к парикмахеру, чтобы он сделал мне профессионально высветленные «перья».

Единственное мое достоинство — я худая, и Бэбс любит покупать мне одежду. Она уйму денег на нее тратит: замшевые или кожаные штаны, которые она выбирает в Париже, футболки с шелкографией Уорхолла, серые передники из жатого шелка и черные бархатные балетки. Но все это попусту, я — спичка, которая, сколько ни чиркай, никак не вспыхивает.

Оставив Бэбс и Энди на кухне, я решаю пойти в игровую комнату пентхауса. Бэбс называет так нашу квартиру, потому что она размером с настоящий дом: два этажа, четыре каминна, шесть спален, восемь туалетов и вдобавок терраса. Проблема в том, что в игровой нет ничего, с чем мне хотелось бы поиграть. Это же просто огромная комната песочного цвета с ковролином от стены до стены и огромными игрушками — эдакая детская площадка на открытом воздухе по версии Бэбс. Тут есть красная деревянная «полоса препятствий» с турниками и металлической горкой, песочница, засыпанная песком с какого-то пляжа во Франции, и блестящая черная лошадь в натуральную величину с гривой и хвостом из настоящих конских волос. Скукотища.

Помимо игрушек тут есть глянцевая зеленая скамейка, которая выглядит так, словно ее украли из настоящего парка. Скамейка законным образом принадлежит Бэбс, но есть в

ней что-то тревожное: к ней прибита золотая табличка, которая гласит «МОНТГОМЕРИ И ЭЙДОРА БАЛЛЕНТАЙН. Убыли 26 мая 1967. Да упокоятся они...».

Монтгомери и Эйдора Баллентайн — это родители Бэбс. Они умерли в результате несчастного случая на яхте за год до моего рождения. В подлокотник скамейки вмонтирована стеклянная пепельница. В результате аварии отцу Бэбс одним махом снесло голову. Мать живьем затащило в двигатель яхты. Он еще работал и покрошил ее тело в кровавые ошметки.

Над скамейкой — картины Лукаса. Лукас — двоюродный брат Бэбс. Как и Брук Шилдс, он живет в Нью-Йорке. Лукас имеет свободный доступ к жизни Бэбс. Она так разговаривает с ним по телефону, что я пришла к выводу, что он ей нравится, но с сексом это никак не связано. Она говорит с ним так, как говорила бы с братом, и однажды даже перед ним извинилась. Возможно, они с Бэбс два сапога пара, ведь у Лукаса тоже есть «шоколадные деньги». Лукас женат на женщине по имени Поппи, и у них есть сын по имени Джо-Джо, но я их никогда не встретила. Бэбс говорит, Лукас терпеть не может летать самолетом.

Картины у Лукаса абстрактные: по большей части серые и черные линии на больших белых полотнах. Хотя я их не понимаю, они мне взаправду нравятся. Каждые два месяца он присылает свежую партию, а Бэбс отправляет назад почтой старые, которые он потом выставляет в галерее и, хочется надеяться, продает.

Рассматривать картины, может, и не слишком интересно, но от них мне становится не так одиноко, они означают, что у меня есть какая-то тень семьи помимо Бэбс. Если Бэбс скажет, мол, все, с нее хватит, Лукас может стать запасным вариантом. Не знаю точно, как доберусь из Чикаго в Нью-Йорк, но

надо же с чего-то начинать. Пусть здесь, на двадцать девятом этаже, балом правит воображение Бэбс, но от реального мира меня отделяет лишь поездка на лифте.

Бэбс считает, что она такая же талантливая, как Лукас. Есть три вещи, которые она действительно хорошо умеет: устраивать вечеринки, делать скрапбуки и, разумеется, придумывать Открытки. Ее скрапбукинг оригинален тем, что в ее книгах почти нет картинок, там сплошь счета из ресторанов, куда она ходила, за одежду и обувь, которые она купила, коктейльные салфетки с вечеринок, на которых она бывала. Свои «книги» она хранит в гардеробной за шубами, они расставлены по годам. Она строго-настрого велела никогда их не открывать, мол они не для меня. Но я ничего не могу с собой поделать. Это же практически ее дневник.

Зато уж в Открытках я знаю толк. Я целый год жду, когда мы будем делать очередную, ведь это значит, что мы весь день проведем вместе, будем позировать в разных нарядах, пробовать разные места съемок. Поскольку Открытка намечена на завтра, я немного успокаиваюсь, решаю послушаться и чем-нибудь себя занять: заставляю себя поиграть в игровой. Я пять минут вишу вниз головой на шведской стенке, дважды падаю с жуткой лошади и ударяюсь рукой, смотрю, сколько сил хватает, на картины Лукаса.

Потом я решаю пробраться в гостиную. Мне не полагается ходить туда одной, но это лучшая комната во всем пентхаусе, тут столько всего разного. Она — в два этажа высотой, а по площади занимает едва ли не половину пентхауса. В ней — ты словно в парящем в небе коробе из прозрачного пластика. Вместо одной стены тут огромное окно, которое тянется от пола до потолка и из которого открывается потрясающий вид на

озеро Мичиган. Поток машин на Лейк-шор-драйв виден до самой Норт-авеню. Летом даже видно, как женщины, у которых нет членской карточки кантри-клуба, сидят на пляже Оук-бич и натирают себя дешевым лосьоном для загара и, наверное, читают Даниэлу Стил.

Бэбс купила пентхаус после смерти родителей. До того она жила в пригороде Чикаго под названием Грасс-вудс, в большом особняке под названием «Чайный дом». Я рада, что Бэбс переехала в город и купила пентхаус. Пусть пентхаус меньше, чем дом, зато в нем есть много крутых штук, например винтовая лестница, которая ведет в ее спальню. Ступеньки у нее — большие плиты кремового мрамора с прожилками, а перила — длинная серебряная трубка, загибающаяся, как соломинка для лимонада. Перила соединены со ступеньками серебряными палками, и мне нравится просовывать между ними голову.

Сегодня я решаю рискнуть и подняться на верх лестницы, чтобы элегантно спуститься вниз, как это делает Бэбс, когда открывает вечеринку. И с самого начала у меня все не задается. Я так поглощена тем, что, задрав голову, смотрю вверх, что едва не опрокидываю чашку из майолики, в которой лежат сигареты Бэбс, а потом наступаю на ее ножницы для скрапбукинга.

Я люблю эти ножницы, лезвия у них длинные и серебряные, как два меча, а рукоять — золотая и усеянная бриллиантами, рубинами и изумрудами. Она бугристая и гладкая одновременно, как липкая от песка морская ракушка. Иногда я беру ножницы в рот и сосу. У них металлический вкус, но на удивление приятный.

Подняв ножницы, я прижимаю их к щеке, потом все же отвожу руку. Чем дольше я их держу, тем труднее положить их

назад. Я широко развожу лезвия и снова подношу к правой щеке. Лезвия еще чуток расходятся, и я легонько надавливаю.

В рот мне попадает несколько волосков, еще несколько прилипают к губам. Не выпуская из рук ножниц, я их сдуваю. Я мешкаю и воображаю, как Бэбс шепчет мне на ухо: «Ты такая долбаная трусиха».

Слова звучат так реально, что я ежусь. Когда Бэбс меня оскорбляет, я никогда ей не отвечаю. Просто сижу и слушаю, глаза у меня на мокром месте, и губы дрожат. Словно кто-то пролил мой «Ширли Темпл»¹.

Но поскольку Бэбс в комнате нет, у меня хватает храбрости дать отпор. Я собираю солидную горсть волос, основательно за них дергаю. От боли я словно бы вся просыпаюсь. Меня заливает восторг. Я на всю ширину раскрываю ножницы, а потом изо всех сил сжимаю ручки. Щелк. Волосы у меня тонюсенькие и почти не оказывают сопротивления — точно мясницкий нож прорезает торт на день рождения.

После краткого мига триумфа я ударяюсь в дикую панику. Мои волосы прилипли к лезвиям, а ведь ими полагается резать только бумагу для скрапбукинга. Ничего больше. Я сворачиваю ампутированные пряди в комок и заталкиваю под уголок ковра. В это мгновение, будь я постарше, я помедлила бы, закурила, хорошенько несколько раз затянулась. Но мне только десять, и нельзя терять время.

Я тщательно вытираю ножницы подолом платья, потом рассматриваю лезвия в ярком солнечном свете, льющемся в ок-

¹ Безалкогольный коктейль из имбирного лимонада с толикой сиропа гренадин, который часто подают обедающим со взрослыми детям вместо собственно коктейля.

но гостиной. Выглядят чистыми. Я осторожно кладу ножницы назад на ступеньку. Я хочу доказать, что все снова нормально, поэтому иду на кухню искать Бэбс.

Они с Энди покончили с едой и больше не разговаривают. Вид у Энди нервный. Она еще не готова уйти и закончить свой день одна. Между ними повисла пауза, а Бэбс пауз не переносит. Они словно бы ждали, когда я войду.

Бэбс бросает на меня взгляд и говорит:

— Что ты на хрен сделала с волосами?

Бэбс вечно говорит «черт». Это не всегда гадкое слово, но сегодня гадкое.

— Ничего, — отвечаю я.

Я правда удивлена, что она способна определить, что я сделала. Я-то думала, что решила проблему. Но Бэбс всегда видит меня насквозь.

— Беттина, детка, ложь тебе не поможет.

Она спокойно поворачивается к раковине, подставляет под струю воды тлеющую сигарету. Выбрасывает окурочек в мусорное ведро.

Сложив руки на груди, Энди поворачивается ко мне, делает встревоженное лицо. Она хмурится, точно случившееся глубоко ее обеспокоило. Но благодаря мне она внезапно оказалась в одной лиге с Бэбс. Энди никогда не совершила бы такой глупости, как обрезать себе волосы.

— Никакое это не долбаное «ничего», — без тени эмоций продолжает Бэбс. — На голове у тебя дерьмо. Мне-то самой наплевать, но завтра у нас Открытка.

Бэбс спокойна, а это взаправду дурной знак. Если я делаю что-то не так, она почти никогда не орет. Напротив, чем больше она выходит из себя, тем больше она отстраняется от ситуации.